

Д. В. Бабков

ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В НАРРАТИВЕ «ПЕСНИ О РОЛАНДЕ»

Белорусский государственный университет, г. Минск;

urlatormunte@gmail.com;

науч. рук. – Е. А. Борисеева, канд. филол. наук, доц.

Статья посвящена роли танатологических мотивов в нарративной организации французского героического эпоса «Песнь о Роланде» («La Chanson de Roland»). Сюжетообразующий потенциал этой разновидности мотивов, рассмотренный через понятие «порождающего» мотива, позволяет говорить об их ключевом значении для реактуализации эпической фабулы произведения и формирования новых внутритекстовых нарративов.

Ключевые слова: героический эпос; танатологический мотив; нарратив; пролепсис; аналепсис.

От других повествовательных мотивов танатологические (от др.-греч. Танатос – смерть) «отличает их связь с различными аспектами смерти персонажа (умиранием, „естественной“ и случайной смертью, убийством, самоубийством, посмертным существованием, похоронами и пр.» [2, с. 106]. Само существование такого отдельного подвида мотивов обусловлено тем, что понятие мотива наиболее подходит для описания феномена смерти в художественном тексте, поскольку сразу выделяет на первый план его событийность. Мотив представляется «обобщением событий» [6, с. 78], ядром его структуры является предикат, некий инвариант значения, которое при этом может по-разному реализовываться от сюжета к сюжету в качестве варианта. Эта двойственная природа мотива, согласно дихотомической теории, позволяет рассматривать его и как единицу повествовательного языка, и как единицу повествовательной речи.

Сохраняя свою дуальность, мотив встраивается в нарратив художественного произведения, сочетаясь с другими мотивами на уровне построения фабулы или сюжета. С одной стороны, исследователи констатируют, что из последовательного комбинирования мотивов составляется сюжет произведения, то есть сюжет представляется последовательностью механически сцепленных мотивов. С другой стороны, сюжет сам по себе можно рассмат-

ривать как один «усложнённый мотив». Так, любой мотив обладает потенциальной возможностью развития и разрастания, осложнения побочными мотивами, и потому, как пишет Б. Н. Путилов, «в известном смысле эпический мотив программирует и обуславливает сюжетное развитие» [5, с. 149].

По мнению Б. Н. Путилова и ряда других исследователей, например, Г. А. Левинтона [3], любое сюжетное развитие может быть смоделировано одним инвариантным мотивом. На фабульном уровне в «Песни о Роланде» можно выделить два моделирующих мотива – мотив предательства и мотив смерти от полученных ран на поле боя. На сюжетном уровне эти два мотива синтагматически связаны, их развитие взаимообусловлено, и потому сюжетная схема «Песни о Роланде» в простейшем виде может быть представлена так: предательство Ганелона приводит к смерти Роланда, а смерть Роланда в свою очередь запускает цепочку событий, которые приводят к казни Ганелона. Сверх того, мотив предательства, обладающий сильным сюжетообразующим потенциалом, порождает целую серию танатологических мотивов, которые, в свою очередь, сами порождают новые мотивы. Например, мотив смерти на поле боя (смерть Роланда, Оливье, Турпена) порождает мотив мести (месть Карла). В ближайшей сюжетной перспективе этот мотив обуславливает, например, мотив поединка (поединок Карла и Балигана, затем поединок Тьерри и Пинабеля), в дальнейшей сюжетной перспективе – мотив казни (казнь Ганелона). Промежуточный мотив сообщения о смерти приводит к смерти из-за возлюбленного (смерть Альды).

Поднятый вопрос сюжетообразующего потенциала танатологических мотивов связан с вопросом их функционального месторасположения в сюжете. По утверждению Р. Л. Красильникова, расположенные в середине танатологические мотивы «обрывают одну сюжетную линию и начинают другую, завершают жизнеописание или его фрагмент, предваряют, провоцируют возникновение другого повествования» [2, с. 182]. Это суждение целиком справедливо в отношении «Песни о Роланде»: событие кончины Роланда делит сюжет на две части – до и после этого события. Смерть рыцаря становится кульминацией первой части повествования, но не его развязкой, поскольку она порождает принципиально новое повествование о мести Карла. Иными словами, логично завершая один нарратив, этот танатологический мотив провоцирует новый, что действительно позволяет говорить не только о сюжетопрерывающей, но и о сюжетообразующей функции этого мотива.

Замечания Б. Н. Путилова о «порождающих» мотивах первоначально относятся к традиционному эпическому нарративу, который представляется цепочкой последовательных в хронологическом отношении событий. Значит, речь до этого шла об опыте построения фабулы произведения. В этом отношении И. В. Силантьев справедливо замечает, что в сфере канонических жанров, к которому стоит отнести и героический эпос, «с самого начала фабула в общих чертах известна, предугадываема», а значит, «оппозиция фабулы и сюжета в значительной степени ослаблена» [6, с. 77–78]. Однако несмотря на это, говорить о полном устранении этой оппозиции невозможно. «Песнь о Роланде» доказывает этот тезис несколькими интересными примерами трансформации фабулы в сюжет, и значительную роль в этой трансформации играют именно танатологические мотивы.

Речь идёт о так называемых анахрониях, то есть о «различных формах несоответствия между порядком истории и порядком повествования» [1, с. 72]. Поскольку для канонических жанров фабула предугадываема, а значит, и располагает определённым предугадываемым набором событий, то очевидны и отсылки к ним, формирующие внутри текста анахронические отношения. В зависимости от направления отсылки связь между событиями может быть направленной вперёд либо назад. Для обозначения этих двух направлений воспользуемся рабочими определениями, данными Жераром Женеттом: «...термин пролепсис будет означать повествовательный приём, состоящий в опережающем рассказе о некоем позднейшем событии, а термин аналепсис – любое упоминание задним числом события, предшествующего той точке истории, где мы находимся» [1, с. 75].

Развивая идеи Ж. Женетта и приспособляя их к целям нашего исследования, мы вводим понятие танатологических анахроний – танатологических пролепсисов и аналепсисов. Танатологические пролепсисы отсылают к будущим, расположенным в рамках текста танатологическим событиям (умирание, убийство, смерть и т. д.). Танатологические аналепсисы в таком случае отсылают к уже произошедшим танатологическим событиям.

Стоит отметить, что анахронии не являются мотивами, поскольку не являются событиями в нарратологическом понимании. Они отсылают к сюжетным событиям, но сами не являются ими, уподобляясь знаку. Впрочем, если знак обозначает, но значения не имеет, то пролепсисам и аналепсисам присущи собственные сюжетные смыслы и функции.

Подавляющее большинство пролепсисов в структуре «Песни о Роланде» являются танатологическими. Их семантика ограничивается либо обещанием скорого наказания преступников, либо констатацией грядущего несчастья, например, «Nes poet garder que mals ne l'i ateignet» [7, p. 26] (Но не уйдет он [Ганелон] от господней кары [4, с. 27]) или «De ço qui calt ? car ne lur valt nient. // Demurent trop, n'i poedent estre a tens» [7, p. 144] (Увы, молитвой не поможешь тут. // Им не поспеть на выручку к нему [4, с. 82]). Самый яркий пример танатологического пролепсиса – лесса 109, финал которой являет собой подробный пересказ будущей сцены казни Ганелона.

Нарративной инстанцией в пролепсисах закономерно является всезнающий автор. Исключениями из этого правила можно назвать сны Карла. Их стоит отнести к особой категории танатологических пролепсисов по причине смены нарративной инстанции, в результате которой сам Карл становится субъектом повествования. Впрочем, следует сделать замечание: если для Карла сны представляются антиципацией неких событий, то для нарратора они представляются ретроспекцией. Отсюда и ограниченность роли Карла как субъекта повествования, ввиду которой сюжетный смысл снов остаётся для героя (до определённого момента) не ясен. Зато он считывается читателем, стоящим с автором на одном уровне реактуализации фабулы, которая, напомним, в общих чертах предугадываема ещё до начала повествования.

В случае танатологических аналепсисов полноценной нарративной инстанцией становится сам персонаж (или их совокупность), рефлексирующий о прошедших танатологических событиях. В отличие от пролепсисов, речь идёт, как правило, о событиях, произошедших до начала сюжета, то есть за пределами текста. К примеру, в лессах 29 и 134 Ганелон дважды упоминает прошлые кровавые подвиги Роланда. В лессе 14 Роланд напоминает Карлу о послых Базане и Базилии, которые ранее были убиты Марсилием. Однако аналепсисы могут отсылать и к внутрисюжетным событиям: так, французская армия вместе с самим императором скорбит о гибели арьергарда.

Функция танатологических аналепсисов зачастую сводится к мотивировке поступков героев, к разъяснению и оправданию их действий как для других персонажей, так и для читателя. Кроме того, отсылая к далёким событиям, аналепсисы связывают фабулу произведения с дотекстовым нарративом. Важно напомнить, что «Песнь о Роланде» является составляющей одного из циклов «песен о деяниях», так называемой «Королевской жесты»,

а потому подобные отсылки, кроме всего прочего, вписывают «Песнь» в общий контекст цикла, в общую канву метаистории о Карле Великом.

Таким образом, танатологические мотивы тем или иным образом моделируют всю нарративную организацию «Песни о Роланде». Было отмечено, что эта разновидность мотивов обладает не только сюжетопрерывающим, но и сюжетообразующим потенциалом, который сильнее всего реализуется через мотив смерти на поле боя. Кроме танатологических мотивов, в структуре произведения присутствуют танатологические элементы, из них самое заметное место занимают танатологические проlepsисы и анаlepsисы. Они играют существенную роль в сюжетопостроении, позволяют повествованию переключаться между разными нарративными инстанциями, служат для мотивировки действий персонажей, а также связывают нарратив «Песни о Роланде» с нарративами более высокого порядка.

Библиографические ссылки

1. *Женетт Ж.* Фигуры: в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 2.
2. *Красильников Р. Л.* Танатологические мотивы в художественной литературе: (введение в литературоведческую танатологию). М.: Языки славянской культуры, 2015.
3. *Левинтон Г. А.* К проблеме изучения повествовательного фольклора // Типологические исследования по фольклору: сб. ст. в память В. Я. Проппа. М., 1975. С. 303–319.
4. Песнь о Роланде // Песнь о Роланде. Коронование Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро. М., 1976. С. 25–144.
5. *Путилов Б. Н.* Мотив как сюжетообразующий элемент // Типологические исследования по фольклору: сб. ст. в память В. Я. Проппа. М.: 1975. С. 141–155.
6. *Силантьев И. В.* Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004.
7. *Chanson de Roland, édité par Gérard Moignet, Paris : Bordas, 1972.*